

**You have downloaded a document from
RE-BUŚ
repository of the University of Silesia in Katowice**

Title: Архаизация и названия реалий в переводе (на материале детективов Марека Краевского)

Author: Aleksander Bogusz

Citation style: Bogusz Aleksander. (2020). Архаизация и названия реалий в переводе (на материале детективов Марека Краевского). W: J. Lubocha-Kruglik, O. Małysa, G. Wilk (red.), "Przestrzenie przekładu. T. 4" (S. 85-93). Katowice : Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2020

Uznanie autorstwa - Na tych samych warunkach - Licencja ta pozwala na kopiowanie, zmienianie, rozprowadzanie, przedstawianie i wykonywanie utworu tak długo, jak tylko na utwory zależne będzie udzielana taka sama licencja.

UNIwersYTET ŚLĄSKI
W KATOWICACH

Biblioteka
Uniwersytetu Śląskiego

Ministerstwo Nauki
i Szkolnictwa Wyższego

Александр Богуш

Силезский университет в Катовице

Архаизация и названия реалий в переводе (на материале детективов Марека Краевского)

Создать впечатление вероятного мира – это одна из главных задач авторов художественной литературы. С этой целью они применяют разнообразные языковые средства, напр. стилизацию речи персонажей на диалекты и говоры или воспроизведение сниженного стиля речи представителей низших слоёв общества. К таким средствам можно отнести также использование писателями архаизации и насыщение текста названиями реалий.

Одним из важнейших жанров литературы в настоящее время является детектив. Многие годы он считался явлением массовой культуры, не заслуживающим внимания в академическом дискурсе. Сейчас этот подход научной среды к криминальной прозе изменился, поскольку учёные заметили её достоинства. Современный детектив стал выполнять роль общественного романа XIX века. Кроме интересного сюжета, в произведениях этого жанра можно встретить подробный анализ состояния общества в описываемое время, отношений между людьми, а также проблем, которые появляются на жизненном пути человека¹. Специфике, методике анализа и феномену популярности этого жанра посвящаются многие статьи, диссертации и научные конференции².

¹ J. CHŁOSTA-ZIELONKA: *Zamiast powieści obyczajowej. Cechy współczesnej polskiej powieści sensacyjnej*. „Media – Kultura – Komunikacja Społeczna” 2013, nr 9, s. 91–92.

² Этим вопросам были посвящены, напр., научные конференции *Kryminal. Między tradycją i nowatorstwem* (15–16.10.2014, Зелёна-Гура), *Kryminal – gatunek poważ(a)ny* (8–10.03.2012, Торунь); монографии М. CZUBAJ: *Etnolog w Mieście Grzechu. Powieść kryminalna jako świadectwo antropologiczne*. Gdańsk 2010 и многие др.

В последние годы одним из самых популярных польских авторов детективов стал Марек Краевский. Его произведения печатаются большим тиражом, а также переводятся на другие языки, в том числе английский, немецкий, французский, итальянский, испанский и русский³. Краевский был удостоен многих наград, к примеру, «Паспортом», признаваемым еженедельником «Политика»⁴. Характерными чертами детективов Краевского являются использование приёмов, типичных для романов ужаса при подробном описании мест преступлений, социальная дифференциация речи персонажей, употребление вульгаризмов, просторечий и диалектизмов, а также архаизация языка и насыщение текста названиями реалий.

В связи с тем, что действие романов Краевского разыгрывается в больших городах, таких как Бреслау (теперь: Вроцлав в Польше) и Львов, а сюжет произведений описывает прошлое (чаще всего довоенный период), то творчество этого писателя можно причислить к так наз. «городскому детективу»⁵ и «ретро-детективу»⁶.

Самый популярный персонаж детективов Краевского – это инспектор немецкой полиции Эберхард Мокк. В романе *Głowa Minotaura* (шестой части цикла о приключениях Мокка) появляется также комиссар польской полиции из Львова Эдвард Попельский. Убийство девушки в Бреслау и сходства с совершёнными во Львове преступлениями заставляют полицейских сотрудничать.

Роман *Głowa Minotaura*, который мы выбрали для анализа, обладает всеми присущими стилю Краевского чертами. Текст изобилует архаизмами и названиями реалий, характерными для довоенного периода как польской, так и немецкой культуры.

Архаизация в произведении М. Краевского была использована для воспроизведения исторического колорита 30-х гг. XX в. Автор оригинала достиг цели с помощью ряда разнообразных языковых средств. Самую распространённую группу составляют устаревшие лексические единицы, т.е. архаизмы и историзмы.

Некоторые польские устаревшие слова переводчику Сергею Подражанскому удалось передать на русский язык. В таких случаях в качестве эквивалентов были использованы устаревшие единицы переводного языка. Среди совпадающих по своей архаической окраске переводческих пар наиболее частотны названия лиц, профессий и зданий, напр. *pedel* – *педель*,

³ Strona autorska Marka Krajewskiego: <https://www.marek-krajewski.pl/index.php?cont=2&id=2> [доступ: 22.12.2018].

⁴ <http://culture.pl/pl/wydarzenie/paszporty-polityki-2005-laureaci> [доступ: 22.12.2018].

⁵ Ю. Тушиньска: «Города-убийцы», или современный польский городской детектив. «Новый филологический вестник» 2014, № 3 (30), с. 40. http://slovorggu.ru/2014_3/30.pdf [доступ: 22.12.2018].

⁶ J. CHŁOSTA-ZIELONKA: *Zamiast powieści obyczajowej...*, с. 91.

korporant – корпорант, *huzar* – гусар, *guwerner* – гувернёр, *biduar* – будуар и *garsoniera* – гарсоньерка. Использование переводчиком полных эквивалентов было возможно потому, что как в польском, так и в русском языке данные единицы заимствованы из немецкого и французского языков.

Однако, в большинстве случаев такое совпадение не отмечается, в связи с чем переводчик должен был ввести некие изменения в стилистической окраске единиц текста перевода или применить переводческие трансформации.

Относительно большую группу эквивалентов составляют единицы с нейтральной стилистической окраской, т.е. слова, употребляемые в современном русском языке. Среди них преобладают названия лиц по профессии и роду деятельности, напр. *ajent* – агент, *odźwierny* – привратник, *przekupień* – торговец, *jurysta* – юрист, *buchalter* – бухгалтер, *gimnazistka* – гимназистка, а также названия лиц с оценивающим и/или эмоциональным оттенком, как *papa* (устаревшая ласкательная форма обращения к отцу), которому соответствует современное слово *nana*. Стоит отметить, что польские слова *gimnazistka*, *jurysta* и *buchalter* совпадают со своими русскими эквивалентами. Первое из них относится к дореволюционному периоду, когда в России существовали гимназии (они возродились и функционируют также в настоящее время), что в некоторой степени компенсирует оттенок архаичности. В свою очередь, лексемы *jurysta* и *buchalter*, как и их переводческие эквиваленты на русском языке, были заимствованы из латыни и немецкого языка. Вместе с тем в польском языке данные обозначения были вытеснены словами *gimnazjalistka*, *prawnik* и *księgowy*. В русском же языке существительные *юрист* и *бухгалтер* активно используются до сих пор.

Оттенок архаичности не передаётся также в случае устаревших названий предметов и действий, к примеру: *sakwojaż* – саквояж, *tuba* (в значении ‘трубка телефона’) – трубка, *automobil* – автомобиль, *umbra* – абажур, *demaskacja* – демаскировка, *inwestygacja* – расследование. Русские соответствия этих польских единиц стилистически не маркированы.

Вместе с тем в случаях, обусловленных контекстом, архаическая окраска слов в некоторой степени компенсируется оттенком разговорности или пренебрежительности. С целью подчеркнуть разговорную речь персонажей и эмоциональную окраску выражений для устаревших существительных *automobil*, *frant* и междометия *gwaltu!* в качестве эквивалентов были подобраны слова *машина*, *франт* и *караул!* Необходимо отметить, что слово *франт* выражает более яркую оценочность, чем его польское соответствие. Для того чтобы это доказать, сравним словарные дефиниции этих слов: *frant* «1. *przestarz.* człowiek chytry, przebiegły; filut, spryciarz, cwaniak»⁷,

⁷ *Uniwersalny słownik języka polskiego*. Red. S. DUBISZ. Warszawa 2003.

франт «1. нарядно одетый человек, щеголь, модник [...] 2. незаслуживающий уважения, одобрения человек (пренебр.)»⁸. Отсутствие оттенка архаичности у лексемы *франт* компенсируется в переводе оттенком пренебрежительности.

Передача некоторых архаизмов и историзмов была осуществлена при помощи перифраза. Он использован при переводе следующих единиц: *karesy* – *ласковые взгляды*, *dystrakt* – *рассеянный человек*, *fordanserka* – *девица, танцевавшая с мужчинами за деньги*. Несмотря на то, что оттенок архаичности в вышеуказанных примерах на русском языке не отражается, смысл данных слов передан в большой степени. Только в случае названия *fordanserka* в тексте перевода утрачивается информация о профессиональном виде деятельности женщины (т.е. о том, что она нанималась владельцами ресторанов).

Перифраз был также использован для перевода слова *bicyklista*. В качестве его эквивалента переводчик подобрал единицу *велосипедист-эквilibрист*. Обоснованность этого решения мы подтвердим, приводя цитату из текста оригинала и перевода:

Zaułek był tak wąski, że przejechałby tamtędy tylko sprytny bicyklista, który umiałby slalomem wyminąć przepelnione śmietniki, jakieś szczątki mebli i dziurawe wiadra [подчеркнуто нами – А.Б.] (с. 27)⁹.

Переулок был так узок, что проехать там мог бы только велосипедист-эквilibрист, который сумел бы слаломом миновать переполненные помойки, обломки мебели и дырявые ведра (с. 27).

Переводчику не удалось здесь сохранить оттенок архаичности, однако, используя описательный перевод, Сергей Подражанский подчеркнул незаурядное мастерство езды на велосипеде одного из персонажей.

Приём семантического переноса (т.е. техника, в которой значение эквивалента не полностью совпадает со значением слова текста оригинала, но имеет с ним какую-то связь) используется переводчиком при передаче названий некоторых элементов одежды и разных предметов. К примеру, таким образом было переведено существительное *binokle*. Переводчик правильно подобрал соответствие *монокль*, избегая ложного друга переводчика, т.е. слова *бинокль*, у которого совсем другое значение. Вместе с тем в ходе перевода Подражанский немного изменил описываемый предмет, хотя в русском языке существует полный эквивалент слова *binokle* – *пенсне*.

⁸ Толковый словарь русского языка. Ред. Д.Н. Ушаков. <http://ushakov-online.ru> [доступ: 22.12.2018].

⁹ Номера страниц указываются по: М. КРАJEWSKI: *Głowa Minotaura*. Warszawa 2009; М. Краевский: *Голова Минотавра*. Пер. с польского С. Подражанского. Москва 2012.

Похожие изменения произошли также в следующем примере:

Nad lokalem otworzyło się okno i wyjrzał przez nie starszy mężczyzna w koszuli nocnej i w czarnej bindzie przyciskającej sumiaste wąsy (с. 32).

Над кафе растворилось окно, откуда выглянул пожилой мужчина в ночной сорочке и черной сеточке, прижимающей пышные волосы (с. 32).

Binda («повязка для усов») была заменена *сеточкой, прижимающей волосы*. Стоит обратить внимание на то, что внешний вид описываемого персонажа в некоторой степени изменился (исчезли его усы), но в тексте перевода, как и в тексте оригинала, обращается внимание на его старательный подход к своей внешности. В обоих случаях небольшие изменения значения оригинала могли быть вызваны внязиковой обстановкой, т.е. другими обычаями в русском обществе (напр. меньшей популярностью усов) или представлениями об этих предметах у русского читателя (напр. монокль может русскому читателю казаться более шикарным элементом одежды, чем пенсне, что подчёркивало бы характер персонажа).

Одну и ту же единицу текста оригинала, в зависимости от контекста, можно перевести с помощью разных переводческих трансформаций. Такая ситуация относится к вызывающему проблемы слову *tingel-tangel* «*przestarz. podrzędna kawiarnia lub restauracja, w której odbywały się występy tancerzy, piosenkarzy itp.; kabaret*»¹⁰. Данная единица несколько раз появляется в тексте романа:

1. *Taki styl tancerz uwielbiał – szczególnie upodobanie znajdował w tandetnych dekoracjach rodem z tingel-tangla i w sztucznych chryzantemach* (с. 118).
Этот стиль танцор любил – особенно нравились ему дешевые декорации и искусственные хризантемы (с. 108).
2. [...] *gimnazjalistę Stefcia Cygana niepokoiły erotyczne sny i marzenia o tancerkach z tingel-tangla* (с. 140).
[...] *гимназиста Стефку Цыгана волновали эротические сны и мечты о танцовщицах кабапе* (с. 128).

В первом случае переводчик использовал приём опущения. Описание декораций было лишено подчёркивающего низкое качество сравнения с плохим кафе, однако оценочная характеристика полностью выражена с помощью эквивалента присутствующего в тексте оригинала прилагательного *tandetne* – *дешевые*. Во втором примере переводчик применил генерализацию, т.е. использовал слово с более широким значением, чем

¹⁰ *Słownik języka polskiego*. Red. W. DOROSZEWSKI. <http://www.sjpd.pwn.pl/haslo/tingel-tangel/> [доступ: 22.12.2018].

единица оригинала. *Kabare* не компенсирует коннотации «бедный, лишённый вкуса», вызванной в тексте оригинала, но его смысл главным образом совпадает с вышеприведённой нами дефиницией слова *tingel-tangel*.

Архаизация в тексте оригинала осуществляется не только с помощью лексики, но также фонетики (выраженной в орфографии), морфологии и синтаксиса. К первой группе можно отнести, напр. *paltot*, *limoniada*, *bridż*, *dżyn*, которым соответствуют современные единицы русского языка *пальто*, *лимонад*, *бридж*, *джин*. Морфологически выраженная архаичность заключается в использовании вытесненного в настоящее время образца склонения. К данной группе слов следует отнести существительные женского рода с суффиксом *-cja*, как *funkcja*, *informacja*, которые в родительном падеже множественного числа имели формы *funkcyj*, *informacyj*. Они были переведены с помощью существующих в русском языке форм слов *функция* и *информация*: *функций* и *информацию*. В первом случае устаревшая форма польского слова и современная русского совпадают. Во втором изменение числа и падежа существительного было вызвано строем предложения и системой языка, так как в русском языке *информация* имеет только единственное число. Синтаксическая архаизация используется М. Краевским для выражения времени с помощью слова *kwadrans* (место и точное определение времени в тексте романа выступает в качестве заголовка раздела). В отличие от современного сочетания слова *kwadrans* с предлогами *za* и *po* (напр. *kwadrans po dziesiątej* и *za kwadrans siódma*), в архаизированных формах оно выступает с предлогом *na*, напр. *kwadrans na jedenastą rano* (с. 14) или *trzy kwadranse na siódmą rano* (с. 35). С. Подражанский решил пожертвовать архаичностью ради точности времени, используя современные способы его выражения, напр. *четверть одиннадцатого утра* (с. 15) или *без четверти семь утра* (с. 34). Учитывая факт, что роман не сохраняет хронологии событий, это имеет большое значение для восприятия текста.

Перевод названий реалий, по нашему мнению, особо связан с категорией адресата. Некоторые польские исследователи указывают на то, что представление переводчика о возможном адресате текста на переводном языке является необходимым для целого процесса перевода¹¹. Роман Левицкий выделил несколько признаков, которые должны учитываться при приспособлении текста к адресату перевода. К ним относятся фоновые знания, различия между системами социальных ценностей адресата оригинала и перевода, а также ограниченный билингвизм и бикультурализм¹². Самое большое влияние на решения переводчика при передаче названий реалий, по нашему мнению, оказывают различия в знаниях читателя текста

¹¹ К. Hejwowski: *Kognitywno-komunikacyjna teoria przekładu*. Warszawa 2006, с. 59.

¹² См. больше об этом: R. Lewicki: *Zagadnienia lingwistyki przekładu*. Lublin 2017, с. 158–172.

оригинала и адресата перевода по описываемой в романе теме, культуре, обычаях и т.д.

Именно эти различия заставили С. Подражанского использовать в следующих примерах приём генерализации для перевода явлений культуры, связанных с доминирующей в Польше религией, т.е. католицизмом:

1. [...] *irytacja na cały świat rośnie: na Hannę, której poranne śpiewanie godziniek coraz częściej wybudzało go z dopiero rozpoczętego snu* [...] (с. 224).
 [...] *злость на весь свет растет: на Ганну, чье утреннее молитвенное пение все чаще пробуждало его от едва начавшегося сна* [...] (с. 208).
2. *Gorzkie żale w kościele św. Mikołaja gromadziły zawsze sporą grupę gimnazjalistek* (с. 241).
Великопостная служба в костеле Св. Миколая всегда собирала большую группу гимназисток (с. 223).

Смысл особенного вида католической молитвы – *godzinki* – был передан с помощью конструкции *молитвенное пение*, которая имеет более широкий смысл, чем единица текста оригинала. Благодаря этому приёму переводчику удалось передать значение конкретного вида богослужения *gorzkie żale*, являющегося исключительно польской традицией¹³. Использование эквивалента *великопостная служба* указывает как на вид обряда, так и на период литургического года, в котором происходят богослужения такого рода. Добавим, что Великий пост – это традиция как католической, так и православной церкви. Переводчик в этом случае приспособил информацию к русскоязычному адресату, учитывая его предполагаемые фоновые знания.

Похожим способом С. Подражанский передал название характерного вида пряников, связанных со львовским собором св. Юра и святоюрскими ярмарками¹⁴, – *juraszki*. Хотя в последнее время они вновь приобретают популярность, всё же остаются элементом локального быта и традиции, неизвестной ни польскому, ни русскому читателю. Переводческими эквивалентами этого слова являются менее удачное *печенье* и более точное *пряники*.

Большую группу реалий составляют воинские и полицейские звания. Поскольку сюжет романа посвящён двум сыщикам, большую часть жизни которых занимает полиция, переводчик попытался как можно точнее пе-

¹³ T. SINKA: *Gorzkie żale. Geneza, teologia, przyszłość*. „Ruch Biblijny i Liturgiczny” 2001, nr 1, с. 51. <https://rbl.ptt.net.pl/index.php/RBL/article/view/619/702c> [доступ: 22.12.2018].

¹⁴ <http://lviv-online.com/ua/rest/cafe/lvivska-majsternya-pryanykiv-yurashky/> [доступ: 22.12.2018].

редать выступающие в тексте звания служб Третьего рейха и довоенной польской полиции.

Как правило, для перевода польских званий была использована транскрипция: *aspirant* – аспирант, *inspektor* – инспектор, *przodownik* – пиодовник. Полицейская должность *komisarz* переведена с помощью существующего в русском языке эквивалента *комиссар*. Все вышеприведённые звания подробнее объясняются в *Кратких примечаниях переводчика для любознательного читателя* в конце текста, напр. *пиодовник* – полицейское звание, соответствовавшее армейскому сержанту (с. 326).

Большинство немецких рангов в тексте оригинала – это буквальный перевод соответствующих немецких наименований, напр. *asystent kryminalny* (Kriminalassistent), *dyrektor kryminalny* (Kriminaldirektor). На русский язык, в свою очередь, они переводятся двумя способами. Первый – это транскрипция немецких названий. *Kriminalassistent* передается как – *криминал-ассистент*, *Kriminaldirektor* – *криминал-директор*. Таким образом переводчик пытается передать и восстановить отсутствующие в исходном тексте фонетические особенности и структуру немецкой речи, а также подчеркнуть принадлежность описываемых реалий (полицейских званий) к немецкой культуре.

Второй способ – это применение варваризмов. Некоторые воинские звания, напр. *Hauptmann*, *SS-Sturmbannführer* появляются в речи немецких персонажей как обращение к собеседнику (*Herr Hauptmann*, *Herr SS-Sturmbannführer*). В отличие от оригинала, в переводе они не записаны курсивом. Это обосновано тем, что использование латинского алфавита в русскоязычном тексте само по себе достаточно отличает варваризмы от остального текста.

В заключение можно сказать, что переводчик для передачи устаревшей лексики и названий реалий применил ряд разнообразных приёмов. Многие архаизмы восстанавливаются в тексте перевода, что позволяет сохранить черты стиля Марека Краевского. В случае, если полная передача архаизмов осложняла бы восприятие текста, переводчик использовал переводческие трансформации, как напр. перифраз, генерализацию или опущение. Большую группу составляют переводческие эквиваленты с нейтральной стилистической окраской. Нейтрализация архаичности произошла также в случае устаревших фонетических, морфологических и синтаксических форм. Изменения в тексте перевода по отношению к тексту оригинала являются обоснованными и были вызваны стремлением обеспечить адекватность.

С такой же целью генерализация была использована для перевода некоторых явлений, характерных для польской культуры. В свою очередь, существенная для сюжета романа система полицейских и воинских званий довоенного периода была передана с большой тщательностью. Для этого

С. Подражанский использовал транскрипцию и варваризмы. Менее известные читателю перевода польские звания переводчик объяснил в *Кратких примечаниях переводчика для любознательного читателя*. При переводе же названий рангов Третьего рейха на русский язык были сохранены некоторые грамматические черты немецкого языка, что способствовало усилению характеристик описываемых реалий и подчёркиванию их отношения к немецкой культуре.

Aleksander Bogusz

Archaizacja i nazwy realiów w przekładzie (na materiale powieści kryminalnych Marka Krajewskiego)

Streszczenie

W niniejszym artykule analizie poddano sposoby tłumaczenia archaizmów i nazw realiów na materiale przekładu powieści Marka Krajewskiego *Głowa Minotaura* na język rosyjski. Autor dochodzi do wniosku, że archaizmy leksykalne w języku rosyjskim mogą być oddawane zarówno za pomocą pełnych ekwiwalentów, jak i przy wykorzystaniu różnych transformacji, np. przesunięcia semantycznego czy peryfrazy. Niektóre rodzaje archaizmów tłumaczone są przy użyciu istniejących we współczesnym języku ekwiwalentów. Nazwy realiów dostosowywane są do stanu wiedzy potencjalnego odbiorcy przekładu. W tym celu wykorzystana została generalizacja. Ważne dla treści utworu nazwy stopni wojskowych i policyjnych zostały przetranskrybowane lub wykorzystano barbaryzmy.

Słowa kluczowe: nazwy realiów, archaizmy, techniki tłumaczeniowe, literatura kryminalna

Aleksander Bogusz

Archaization and names of realities in translation (in the material of Marek Krajewski's crime novels)

Summary

This article analyzes the ways of translating archaisms and names of realities in the material of the translation of Marek Krajewski's novel *The Minotaur's Head* into the Russian language. The author concludes that lexical archaisms in Russian can be reflected both by means of full equivalents as well as with using various transformations e.g. semantic shift or periphrasis. Some kinds of archaisms have been translated using equivalents existing in the contemporary language. The names of realities have been adapted to the knowledge of the potential recipient of the translation. For this purpose, generalization has been used. The names of military and police ranks important for the content of the work have been transcribed or barbarism has been used.

Key words: names of realities, archaisms, translation techniques, crime novels